

- Сегодняшнее занятие отменяется, - как только маленький старичок вошел в аудиторию, он сразу же улыбнулся и поднял руку, пресекая радостные возгласы студентов. - Как раз попали на внутреннюю трансляцию второго этапа раскопок гробницы министра Цю Ибо. Эх... если бы я знал, что второй этап начнется так скоро, я бы сам поехал! Всё из-за вас, несносные проказники, которые не отпускают меня... Я уже договорился с преподавателями следующих пар - сегодня все смотрим трансляцию, а потом каждый сдает эссе на три тысячи иероглифов.

Студенты тут же застонали, но старичок обычно был добродушным, и они осмелились торговаться:

- Преподаватель! А можно на тысячу?!

- На десять тысяч - можно, на тысячу - нет. Кто не хочет смотреть? Тогда и писать не надо, но засчитаю прогул и снижу баллы, - старичок уже настраивал проектор, шурясь и вглядываясь в серый экран. - Братец Фэн! Иди сюда, помоги настроить!

Как только прозвучало «братец Фэн», вся аудитория взорвалась смехом. Студент по прозвищу «Фэн» стремительно взбежал на кафедру:

- Летит маленькая волшебная палочка~!

Старичок добродушно поругал его, а Лю Фэн за пару движений настроил проектор. Уже шла вводная часть трансляции. Преподаватель взглянул на часы, убедился, что время правильное, и через пять минут всё должно начаться.

Один из студентов поднял руку:

- Преподаватель, мы точно будем смотреть? Говорят, у старшекурсников из-за прошлой трансляции несколько версий дипломов отправились в мусорку!

Например, во время прошлой открытой трансляции выяснилось, что министр Цю, которому до сих пор по всей стране стоят храмы с горящими благовониями, оставил потомкам не только золотые слитки и опалы, но и увлекался написанием VL-романов, да еще и с иллюстрациями. ореол святости развеялся в мгновение ока, и историки с археологами могли только плакать, глядя друг на друга... Нынешняя трансляция стала внутренней именно из-за слишком буйного нрава министра Цю.

Говорят, один профессор после прошлой трансляции ночью рыдал над своим трудом, выпил два цзиня белого вина и попал в больницу с алкогольным отравлением. Этот историк был настоящим авторитетом в своей области - он написал научный труд о Цю Ибо, который до сих пор входит в обязательную программу исторических факультетов.

Основная идея книги заключалась в том, что Цю Ибо, будучи человеком, которого народ сам возвел в ранг божества, совершил множество великих дел. В начале всё было хорошо, но профессор оказался фанатом Цю Ибо, и половина книги состояла из восхвалений: как он был благороден, как самоотверженно служил стране, как всё продумывал до мелочей, как трудился не покладая рук...

А потом, согласно дневникам, найденным во время первого этапа раскопок, выяснилось, что старик Суйсин не только не трудился до кровавого пота, но и от скуки писал эротические романы, да еще и простым, понятным языком. В те времена даже в самых откровенных произведениях максимум упоминались пара органов, да и то с кучей метафор, а в особенно пикантных местах авторы сыпали стихами и цитатами. Но только не наш старик - у него всё

было просто и ясно: «румяные щеки», «тонкая талия», «длинные ноги»... Кхм, отвлеклись. Кроме того, в дневниках подробно описывалось, что он поручал подчиненным все дела, а сам не шевелил и пальцем. Например, про Высший исследовательский институт Чжуминго он прямо написал:

- Я только выдвигаю требования.

Основным источником финансирования института были два простака - императоры Цзэ-ди и Лань-ди из Чжуминго.

Еще одним важным пунктом его расписания были переговоры с императорами о цене на изобретения института. Сначала он донимал Цзэ-ди, потом Лань-ди. За время правления министра Цю половина казны ушла именно ему.

Конечно, благодаря тому, что институт действительно работал хорошо, оставшейся половины хватало на нужды государства и даже на войны.

И это не студенты придираются - всё именно так и написано в дневниках Цю Ибо.

[В третьем квартале не хватает финансирования для проектов института. В личной казне императора ещё есть излишки - пусть дядя Ланьхэ попросит у него.]

Рядом стояла галочка - видимо, вопрос решили.

[В четвёртом квартале снова не хватает денег. В государственной казне ещё есть средства - возьмём половину.]

И снова галочка.

...

Подобные записи встречались почти каждый год, начиная с правления Цзэ-ди и до самой смерти Лань-ди.

А ещё там были бытовые заметки:

[Сегодня притворился больным, не пошёл на аудиенцию. Проспал до полудня.]

[Сегодня снова притворился больным, проспал до вечера. Визитную карточку министра Лю отдал Чжоу Лину. Десять лет его тренировал - наконец-то может проводить совещания вместо меня.]

[Сегодня снова притворился больным. Рыбку, которую выращивал дядя Ланьхэ, я случайно перекармлил - она умерла. Тихо закопал, чтобы дядя не узнал. Съел свиную рульку, объелся, пришлось выпить две пиалы кислого сливового супа, чтобы полегчало.]

[Сегодня взял отпуск на месяц - поеду с Анун в Цзяннаньфу развлекаться.]

[Шёлковые ткани в Цзяннаньфу отличные. Привезу домой - пусть женщины сошьют себе платья.]

[Цзяннаньфу действительно богатый край - нашёл кучу новых романов, которые раньше не читал.]

[Прочитал за ночь. Что это за концовка?! У автора мозги жуками проедены?! Чем больше думаю, тем злее становлюсь. Возьму-ка я кисть и напишу сам!]

[Завтра возвращаюсь в Яньцзин. Не хочу. Не хочу идти на аудиенцию.]

[Эх, раз уж занимаю пост, надо выполнять обязанности. Схожу хоть разок.]

[Император на меня косо смотрит. Пусть смотрит. Завтра снова возьму отпуск. Кто вообще придумал эти аудиенции на рассвете?! У него бессонница, что ли? Неужели мало было навредить современникам – надо было ещё и потомкам жизнь испортить?!]

[Император опять весь день на меня косится. Ха, если бы он мне не платил, разве я бы тут сидел и терпел его взгляды?!]

[Сегодня выдали жалованье! Дома уже даже еды не было – потащил дядю Ланьхэ в «Красные Рукава» есть ледяные свиные рульки. Ещё заказал тарелку лунных косточек, строго-настрого велел повару молчать – надеюсь, завтра не доложат императору.]

[Всё-таки доложили. Но император тоже был там – почему доложили только на меня и дядю Ланьхэ?! Почему не доложили, что император развратничает?! Разве поход в публичный дом обязательно означает разврат?! Может, мы просто поесть пришли?!]

[Переманил повара из «Красных Рукавов» за большие деньги.]

[Тихонько ем дома тарелку маринованных утиных язычков. Никто не знает.]

[Блин, даже за утиные язычки доложили?! Чиновники цензорского управления совсем без дела сидят, да?! Мой дом уже как решето – пришлось прибить двух болтливых. Раз за разом – вы что, думаете, я уже труп?! Сразу видно, что императору больше нечем заняться.]

...

Чем дальше, тем небрежнее становился почерк – уже и следа не осталось от каллиграфически безупречного «канцелярского стиля», которым он писал в молодости. Судя по датам, к этому времени Цю Ланьхэ уже постарел, а Цю Ибо стал первым министром.

[Быть первым министром – сплошная головная боль.]

[Почему даже по пустякам всё нужно мне?! Столько людей кормят даром – а я тут как собака всё тащу! И ведь они ещё и бездельничают!]

[Не хочу на аудиенцию. Беру отгул. Сегодня играем в карты.]

[Продолжаю отгул. Проспал до вечера – отлично. Продолжаем играть.]

[Маленький император на аудиенции на меня накричал. Сделал вид, что не слышу – я же в отгуле. Если хочешь – отправляй меня в отставку.]

[Сегодня государственные экзамены. Что это за бред написали Сяо Сы, Сяо У и Сяо Лю?! Если бы не боязнь нарушить правила, порвал бы работы на месте и вышвырнул их вон! Ладно, не все могут быть такими умными, сообразительными и невероятно красивыми, как я. Надо терпеть.]

[Быть первым министром – нечеловеческий труд. Мой дядя Ланьхэ – настоящий молодец, как он это выдерживал десятки лет?!]

[Эх, хочу отгул.]

[Всё ещё хочу отгул. Может, завтра возьму?]

[Проспал. Хорошо, что Вэнь Жун сообразительный – сказал, что я тяжело болен, и оформил отгул на месяц. Мне уже за тридцать, работаю не покладая рук – разве не нормально заболеть? Таким, как я, обычно не везёт – рано умирают. Дожить до сорока – уже большое достижение.]

[Маленький император лично приехал из дворца проведать меня. Застал за игрой в карты – пришлось и его втянуть. Кажется, он разозлился. Эх, хорошо, что дядя Ланьхэ помог разрядить обстановку.]

[Маленькому императору уже семнадцать-восемнадцать! Как он может не помнить Конфуция?! Позор!]

[Продолжаю отгул. Весенние деньки – потащил дядю Ланьхэ кататься на лодке. Моя харизма по-прежнему на высоте – платков и ароматных мешочков насобирав на сотни лянов.]

Как только дневники были обнародованы, они тут же взорвали соцсети:

#Лентяй-трудяга Цю Суйсин#

#Развенчание мифа о старике Суйсине#

#Скорпион министр Цю#

...

Нельзя винить людей за то, что они развенчивали образ старика – читая его дневники, невозможно было не проникнуться сочувствием.

В конце концов, если бы не деньги, кто вообще хотел бы работать?

Кстати, насчёт записи про цензоров, которым нечем заняться: согласно историческим хроникам, через несколько дней после этого в Чжуминго разразился крупнейший в истории коррупционный скандал в цензорском управлении. Чиновники были слишком заняты сокрытием следов, чтобы контролировать других.

У министра Цю была жуткая мстительность! Точно Скорпион!

...

Старик Сюй, кажется, тоже вспомнил об этом. Он усмехнулся:

– Это просто им не повезло.

Он окинул взглядом аудиторию, и студенты подхватили:

– Да-да, нам повезло! К тому времени, когда мы будем писать дипломы, раскопки уже закончатся – и будет проще!

Кто-то добавил:

– Проще, блин, что?! Писать, как министр Цю ленился и бездельничал, но при этом превратил

Чжуминго в страну, которой все поклонялись?!

- Мне кажется, я читаю роман про крутого героя.

- Честно говоря, я тоже так думаю.

- И если мы действительно так напишем, преподаватели нас выгонят?

Вся аудитория покатила со смеху, включая старика Сюя. Он смеялся до слёз, указывая на них:

- Обязательно выгоню, каждого!

Пока все шутили, трансляция началась. На экране появились древние интерьеры гробницы - многие артефакты уже были извлечены и каталогизированы, а на их местах оставили метки для будущего восстановления в музее.

Зелёные занавеси кровати, пролежав тысячу лет, всё ещё сохраняли водянистый блеск, без единой пылинки - видно, какими роскошными они были в своё время.

Все невольно притихли, внимательно наблюдая. Старик Сюй, задрал голову, сказал:

- Действительно прекрасно... Это первый случай, когда артефакты не окислились после извлечения. Видите эти занавеси? Они как новые.

- Преподаватель, уже есть результаты анализа? - Ткань, не тронутая временем, была редкостью. - Это рами?

- Я тоже сначала так думал, - покачал головой старик Сюй. - Но анализ показал, что это шёлк. По составу почти идентичен обычному, но по прочности и эластичности превосходит его в тысячи раз. Отдельную нить попробовали поджечь - не загорелась. Только при 1600 градусах начала слегка плавиться.

- Чёрт! Что за чудо-материал?! Температура плавления выше, чем у железа?!

Старик Сюй махнул рукой:

- Ладно, вы это слышали, но никому не рассказывайте - если просочится, можете сесть.

Археологи знали меру, особенно в их университете - всех студентов проверяли до третьего колена. Малейшее пятно в биографии - и дорога сюда закрыта. Один старшекурсник даже шутил, что если не пойдёт на раскопки, то сразу сможет податься в чиновники - с такой-то проверкой.

Картинка сменилась - камера переместилась в кабинет рядом со спальней. Сегодня главным объектом был именно он.

Кабинет! Если найдут дневник с важными записями - можно переписывать исторические хроники!

И правда - вскоре объектив навёлся на тонкий дневник, лежащий на столе. В кадре появилась рука в перчатке, осторожно, с помощью пинцета, перевернувшая первую страницу. И тут же всем в глаза бросились огромные иероглифы:

«Не смотри на то, что тебе не положено, а то навлечёшь на себя духа бедности.»

- Ха-ха-ха, кажется, министр Цю нас высмеял!

- Археолог в ступоре!

- Потрясающе!

- Что теперь делать? Если продолжить листать - вдруг и правда всю жизнь будешь нищим?

Камера повернулась, показав профессора в защитном костюме. Тот отошёл на пару шагов, почтительно положил на стол визитку, трижды поклонился и что-то пробормотал - но разобрать было невозможно.

Камера сфокусировалась на визитке:

«Государственное управление культурного наследия. Отдел спасения артефактов. Начальник отдела - Ся Чанъань.»

В аудитории все покатались со смеху - профессор дал понять, что начальник велел ему спасти артефакты, а если дух бедности и придёт, то пусть идёт к начальнику.

Поклонившись, профессор продолжил. На этот раз он не использовал пинцет, а перевернул страницу руками. Там было написано:

«Я так и знал, что откроют. Ну ладно, смотрите, но никому не рассказывайте.»

Снова взрыв смеха. Они не только смотрели, но и транслировали - пусть и внутреннюю, но на тысячи зрителей: студентов, преподавателей археологических факультетов и сотрудников государственных организаций.

На следующей странице почерк стал аккуратным, но это был уже не стандартный «канцелярский стиль» молодого Цю Ибо, и не его поздний размашистый почерк, когда он писал как попало, лишь бы можно было разобрать. Эти иероглифы были изящными и лёгкими - глядя на них, все вспомнили образ министра Цю с известной картины «Пир бессмертных».

[Все говорят, что мой пятый дядя - человек широкой души, и в будущем обязательно станет первым министром. Я тоже так думаю, но подозреваю, что вода, на которой держатся его корабли, состоит из хитрости.]

[Я до сих пор помню, как в детстве он, чтобы выманить у меня два пруда с карпами, повёл меня в публичный дом - в «Красных Рукавах» были лучшие ледяные свиные рульки в Яньцзине. Мы с дядей Ланьхэ съели по целой. Вернувшись домой, отец спросил, где мы были. Я сказал, что дядя Ланьхэ водил меня есть рульки. Отец виду не подал, но потом нажаловался старшему дяде, что дядя Ланьхэ повёл четырёхлетнего племянника в публичный дом. Дядю отчитали, а он потом пришёл ко мне и сказал, что его ругали за то, что водил меня есть рульки. Я, глупый, не распознал его истинных намерений - и мои два пруда с прекрасными карпами «тантин» перешли к нему. Не зря он в таком молодом возрасте стал заместителем министра финансов - вот это хитрец!]

[В пять с половиной лет он положил глаз на моих карпов «бегуан». Он сказал, что принц Ци любит развезжать по городу на лошади, а я, мол, уже большой, но ни разу не видел Яньцзина как следует, и предложил мне тоже прокатиться... Он что, думал, я дурак? В Яньцзине

запрещено ездить верхом! Принца Ци не арестовывали только потому, что он сын императора! Мой отец – не император, я не такой наивный!]

[В шесть лет вернулся третий дядя. Он хотел взять меня в путешествие. Третий дядя давно не бывал дома, и я приставал к нему, чтобы он меня куда-нибудь сводил. Дядя согласился, а мне ужасно хотелось снова попробовать ледяные рульки из «Красных Рукавов»... В итоге третий дядя снова отругал дядю Ланьхэ. Я пожалел, но карпы «бегуан» всё равно достались ему. Теперь я понимаю – это был его коварный план!]

[В двадцать четыре года я наконец вернулся в Яньцзин. Дядя Ланьхэ стал ещё хитрее. Как только мы с Анун приехали, он сразу пришёл к нам – будто второго старшего брата и не пытались убить. Оказалось, он хотел, чтобы мы помогли ему припугнуть кое-кого. Министр обороны посерел, когда увидел железную охранную грамоту. Признаюсь, это было забавно.]

[Кажется, я чем-то болен. Мне ничего не интересно. Дядя Ланьхэ, даже заваленный делами, приходил ко мне, играл со мной в карты, чтобы мне стало легче. Иногда мне кажется, что дядя Ланьхэ – мой отец (отец, надеюсь, не читает?). Мой родной отец так бы не стал. Порой я думаю – может, мне просто умереть? Чтобы дядя Ланьхэ не приходил ко мне после аудиенций, не мучился из-за меня.]

[Старшая тётя пришла проведать меня, увидела, что я легко одет, и отругала дядю Ланьхэ. Впервые увидел, как он стоит, понурился, и не смеет пикнуть. Забавно.]

[Дядя Ланьхэ сказал мне, что хочет построить страну, где у всех будет еда и одежда, где стариков будут поддерживать, а о детях заботиться. Такого масштаба мечта... Я даже не знал, смеяться мне или восхищаться.]

[Шесть раз подряд получил высшую оценку на экзаменах. Дядя Ланьхэ обещал устроить трёхдневный пир, но помешала оспа. Видимо, дядя Ланьхэ и правда был в отчаянном положении при дворе – стоило мне только стать первым на экзаменах, как кое-кто так испугался, что даже оспу подстроил.]

[Разработали вакцину против оспы. Никогда не видел дядю Ланьхэ таким счастливым. Он давно не пил, но в тот день выпил два льяна. Он отдал мне всё своё состояние и велел хорошо управлять институтом.]

[Дядя Ланьхэ велел мне снарядить флот, отправиться за море и привезти два-три десятка сельскохозяйственных культур, чтобы избавить народ от голода.]

...

[Золотой ворон садится на запад, ледяное колесо восходит на востоке, снова и снова, в мгновение ока старики уходят, и я часто вспоминаю прошлое, но остались лишь иссохшая кисть да чернильный камень – больше нечего записывать. Часто спрашиваю – где же божественный владыка? Где Великий Единый? На востоке неба есть дерево Жо, под ним – дракон, держащий свечу. Я отрублю дракону ноги, съем его мясо, чтобы утро не наступало, а ночь не кончалась, чтобы старики не умирали, а молодые не плакали. Увы, я не ведаю высоты синего неба, толщины жёлтой земли, вижу лишь, как лунный холод и солнечный жар сокращают наши жизни. Племянник, Цю Ибо, приношу жертву.]

Все замолчали. Никто не ожидал, что после таких забавных записей вдруг окажется траурное эссе. Это был не столько дневник Цю Ибо, сколько биография Цю Ланьхэ, написанная им самим. Благодаря этим записям люди и события, канувшие в Лету, снова ожили.

Старик Сюй снял очки и вытер слёзы в уголках глаз:

- Вот почему нужно постоянно учиться! Министр Цю – живой пример. В молодости он шесть раз подряд получал высшие оценки на экзаменах, был блистательным литератором. А потом увлёкся наукой, забросил учёбу – и в итоге, когда понадобилось написать траурное эссе для дяди Ланьхэ, пришлось использовать чужие слова!

Все:

- ...

- Преподаватель, как вы можете так говорить?! Министр Цю точно явится к вам ночью во сне и поколотит! Он на такое способен!

- Они же даже не нашли тело министра Цю! Учитывая его «чудеса», может, он до сих пор жив! Если узнает, что вы так о нём – берегитесь!

Кто-то подпер голову рукой:

- Не переживайте. Теперь министр Цю для меня просто слегка выдающийся обычный человек.

Недостигаемость и величие – всего лишь плод народной фантазии. Настоящий Цю Ибо был обычным человеком: любил свиные рульки и утиные язычки, ненавидел аудиенции, обожал поспать и поиграть в карты... Да, ещё был самовлюблённым. Самый обычный молодой человек.

Если примерить его дневники на других исторических личностей, их ореолы тоже рассыпаются в прах. Если даже самый легендарный из них был лентяем, может, и остальные были такими же?

Дневник бережно убрали, а камера переключилась на корзину для свитков рядом с книжным шкафом. Археолог измерил её прибором, достал один свиток и вместе с коллегой начал разворачивать его. Все затаили дыхание – если только там не было чего-то совсем уж неприличного, страна получила бы ещё один национальный сокровище.

Свиток медленно разворачивался, и все замерли в изумлении... Это была картина, написанная маслом.

Но никто не смотрел на автора – все глаза были прикованы к изображению. На картине были двое мужчин: один держал чашу, другой играл в го. Они выглядели расслабленными, будто художник застал их врасплох. Оба были поразительно красивы, особенно младший – трудно было поверить, что такой человек действительно существовал.

Даже археологи на мгновение остолбенели. Через некоторое время камера приблизилась к нижнему правому углу.

[Написано художником Дэвидом Коппером из Наньяна.]

[Слева – Цю Ибо, справа – Цю Ланьхэ.]

- Чёрт! Будь я таким, я бы тоже был самовлюблённым!

- Неудивительно, что за ним целыми телегами носили платки и ароматные мешочки! Сестрёнки, и я согласна!

И в этот момент в кадре мелькнула человеческая фигура – на долю секунды, но все успели разглядеть, что кто-то действительно появился и исчез.

– ??? Привидение?!

– Какой дух посмел явиться в гробницу Суйсина?!

Изображение зависло, затем начало медленно перематываться назад. Все зрители затаили дыхание, наблюдая за этим моментом. Когда фигура снова появилась, все облегчённо вздохнули – лицо разглядеть было нельзя, но явно виднелись худи и брюки.

Наверное, это был кто-то из команды, случайно отразившийся или попавший в кадр?

Неужели даже привидения теперь носят модную одежду?

Профессор в гробнице после паузы сказал:

– Впереди стоит зеркало – это просто отразился наш сотрудник. Не волнуйтесь.

Камера тут же показала зеркало, чтобы все убедились.

Успокоившись, зрители снова принялись оживлённо обсуждать находки, но вдруг профессор объявил:

– У меня появились симптомы кислородного голодания. Возможно, мне нужно отдохнуть перед продолжением. Чтобы не повредить артефакты, сегодняшнюю трансляцию придётся прервать.

Трансляция закончилась.

Зрители успокоились, но люди в гробнице были серьёзны как никогда.

Они-то прекрасно знали – никакого зеркала там не было.

Оно появилось перед ними внезапно, словно специально, чтобы дать им повод для отговорки.

Видимо, даже привидения теперь понимают, что такое «разоблачение мифов».

А Цю Ибо, невидимо стоявший в тени, облегчённо вздохнул. Он почувствовал, что защитные заклинания на его гробнице были нарушены, вернулся – и обнаружил прямую трансляцию... Чёрт, кто бы мог подумать, что его гробницу будут показывать в прямом эфире?! Да ещё и ему самому пришлось прятаться!

...Ладно, а что ещё оставалось? Выскочить и напугать всех до смерти? Или объяснять, почему он до сих пор не умер?

Лучше уж спрятаться.

Примечания автора:

1 «Где же божественный владыка? Где Великий Единый?..» – отрывок из стихотворения Ли Хэ «Короткий день» (это изменённая версия).

#Давали вам шанс – не воспользовались!#

#Просили сцену свадьбы - вы что, хотели сегодня же и закончить?#

#Предложили придумать сюжет для альтернативной линии - вы решили меня добить, да?#

Кстати, насчёт альтернативных линий. Я не против, если вам нравятся не каноничные пары - читайте и получайте удовольствие. Все заплатили за это право. Я и сама иногда люблю почитать такое. Комментарии с альтернативными сюжетами меня тоже радуют. Но в основном сюжете пара - Цю Ибо и По Ицю. Даже в альтернативных линиях будут только они, без третьих лиц или замены.

<http://bllate.org/book/14686/1310607>